

Григорий Барац

Война дворов

Витька вылетел со двора как ошпаренный. Сунул в рот пахнущие жареной скумбрией пальцы. Набрал полный живот майского морского бриза, хотел свистнуть, но удержался. Не выдыхая, выбежал на перекресток. Остановился в центре на чугунном ливневом люке и свистнул. То был не просто свист, то был необъяснимый восторг, вырвавшийся между указательным и безымянным пальцем. Так умел свистеть только Витька Пивдень с Базарной. Никто из пацанов нашего и соседних дворов не мог так свистеть.

От этого свиста по Базарной – от Успенского до Щепного переулка – и по Треугольному, от Большой Арнаутской до Успенской, дрожали стекла окон. Мамы прижимали к себе своих чад, бабушки своими телами закрывали двери. Но кого и когда можно было удержать, если звучал призыв вожака нашего двора Витьки Пивдня?

Вслед за Витькой в заветный подвал – штаб нашей дворовой мазы – влетела малышня с первого этажа. Филька Укус, сопливый кривоногий коротышка, сын солдатской вдовы и парикмахера Укусенко, бегал быстрее всех. Карманы его штанов, перешитых из солдатских галифе, всегда были набиты сухарями. Вслед за ним Васька Склянка – тощий, как глиста, вечно жующий макуху белобрыйсы приемыш дворничихи бабы Зины Скляренко.

Сразу три девчонки-второклассницы, держась за руки, крадучись спускались со второго этажа. Длинноногая, тощая и раскосая Валька Вербаносова, балованное дитя железнодорожной проводницы, угощала нас леденцами из круглой железной корбочки. Линка Мурманская, зачуханная, прыщавая и задолбанная родителями – преподавателями математики, ничем, кроме мацы

в кармашке школьного передника, похвастать не могла. Зато Ритка Латышская, голубоглазая, ухоженная, разбитная и дородная дочь швеи и сапожника, угощала «морскими камешками», а иногда и конфетами в фантиках. Застегивая на бегу цветастый байковый халатик, догоняла подружек младшая дочь старшей медсестры вендиспансера полная, неуклюжая, не по годам зрелая Таська Бикицер.

Представители третьего этажа, братья Фердманы, Миля и Боря, смуглые, длинноносые и курчавые, из семьи потомственных работников прилавка, приносили в подвал мелкую тарань, которую сами и съедали. Обычно последними, громахая сандалиями по железным лестницам, летели в подвал закадычные корефаны Толян Дунский и Гарька Скрипач. Первый, огненно-рыжий, мускулистый – неутомимый задира, забияка и драчун, сын, внук и правнук потомственных моряков. Второй, бледный хилак, болезненный тихоня и чистоплюй, дитя молоденькой пианистки и учителя географии, вернувшегося с фронта на одной ноге.

В подвале из ракушняка даже летом было сыро и прохладно. Все пространство подземелья вдоль обеих стен было разгорожено на клетушки, в которых хранились запасы на зиму дров и угля. У кого побогаче – картошки, лука и даже закуток. На каждой кладовке был написан номер квартиры, жильцам которой она негласно принадлежала. На хлипких дверях висел замочек. Его можно было открыть гвоздем. Но никто и никогда не покушался на соседское добро.

Узкий коридор между кладовками вел в тупик – зацементированный вход в катакомбы. На простенке сохранилась надпись черными жирными мазками: «Не загораживать! Приказ коменданта Одессы». Кто и когда сделал это распоряжение, не знали даже довоенные старожилы. Но никто не отваживался занять это место. Оно безраздельно принадлежало нам – дворовой ребятне. Здесь и располагался наш штаб. В выдолбленной нише, замаскированной двумя блоками ракушняка, находился схрон – оружейный склад: деревянные мечи, щиты из жестяных самопальных кастрюльных крышек, рогатки, духовые трубочки и боеприпасы – сухой горох и кукуруза. Здесь же хранились спички, огарки

свечей, бутылки, папиросы и жестяная коробочка из-под монпансье – наши общаковые гроши.

Вожак восседал на троне – кресле-качалке с отломанной спинкой. Перед ним на перевернутом вверх дном деревянном ящике чадил огарок восковой свечи. Рядом лежала пачка папирос «Беломорканал» – неслыханная роскошь. Демонстративно, с барской небрежностью Витька надорвал краешек пачки и ловко выбил из нее папиросу. Прикурил от мерцающего огонька свечи и со словами «можете все» бросил пачку на ящик.

Никто из нас по-настоящему не курил, но дымил не только потому, что послушаться Пивдня было нельзя, а скорее, из-за того, что не подражать ему было невозможно.

– Пацаны, кореша и подруги! – торжественно произнес Витька, становясь на ящик. – Кто имеет уши, почует меня. Кто имеет норы, перевернет его вверх тормашками. Кто имеет старые мозоли, не будет натирать новые.

После каждого предложения Витька глубоко затягивался.

– А заради чего, спрашивается, трава тянется до солнца, а малец до мамкиной сиськи? Да заради полезности.

Откашлявшись и осмотрев наши недоуменные лица, Витька продолжил:

– Новую новость моя баба Клара принесла. Она зря трепаться не будет, докладает мне всё, что в школе узнаёт.

Округлившись Витькины глаза выражали то ли ужас, то ли восторг.

– В октябрюта нас будут отбирать!

Витькину бабу Клару знал не только наш двор. Она работала в школе техничкой, так тогда называлась уборщица. Родители, обрусевшие немцы, большевики, назвали ее в честь германской коммунистки Клары Цеткин, что, впрочем, не спасло их от сталинских репрессий. Двор узнал об этом только с хрущевской оттепелью. Знойными августовскими вечерами, сидя на низкой табуретке в своем крохотном палисаднике, она рассказывала всем и никому о своей «сладкой» жизни в детдоме, пока не засыпала.

Малышня застыла от неожиданности, ожидая продолжения.

– Так я к тому, что кто ж нас отберет, если про курево прознают?

Витька откусил краешек папиросной гильзы, смачно сплюнул и бросил себе под ноги окурок. Пацаны затоптали недокуренные папиросы. Девчонки захлопали в ладоши, и все расхохотались.

– Чего гогочете? Вам что, а я с маломальства курю, – сказал девятилетний, самый старший из нас Витька Пивдень. – Ухи пухнуть будут, но выдюжу заради звездочки. Так что порешили: с куревом все завязывают. Только молчок. Это наша военная тайна. Треугольники и щепачи об этом пока не знают.

Нас, то есть Витькину мазу, называли базарниками. В мазу входила пацанва с улицы Кирова, которую наши предки называли Базарной. Мазу из Треугольного переулка, которой верховодил Игорёня Кривой с черной ленточкой наискосок на левом глазу, так и называли – треугольниками. Щепачами называлась ватага со Щепного переулка. Их строил переросток – двоечник и второгодник Мишка Кирза в несменяемых солдатских галифе и кирзовых сапогах.

Дома двух переулков и улицы расположились равносторонним треугольником, внутри которого образовался двор такой же формы. Восемь месяцев в году – три зимних, три весенних и два осенних – здесь между тремя мазами царили мир и согласие.

В декабре посреди двора на треугольной полянке, огороженной низким штакетником, заливался каток. В хоккее с мячом мазы играли на вылет, передавая друг другу коньки-снегурочки, прикрепляющиеся к ботинкам винтовыми зажимами.

Весной и осенью девчонки и мальчишки играли в классики. Дорожки вдоль полянки были выложены квадратными базальтовыми плитами. Оставалось обвести их по контуру мелом на десять классов. Прыгая на одной ноге, толкали битую – обычно плоскую баночку из-под гуталина, из одного класса, то есть квадрата, в другой. Попал битой или ногой на черту – пропал. На плитах это требовало особой сноровки.

Если в игру вступал Володька Владимиров из щепачей, можно было не продолжать. Коренастый, приземистый, он устойчиво и подолгу держался аистом. Бита его, как дрессированная, пересекала черту и останавливалась посредине квадрата. Когда во дворе появился асфальт, играть стало легче, и чаще стали выигрывать девчонки.

В играх со скакалкой участвовали тоже все, но побеждали всегда девчонки. А к игре с резинкой мальчишки даже не совались. Двое девчонок растягивали резиновую петлю у щиколоток широко расставленных ног. Третья, прыгая, ловко заплетала резинку ногами, образуя хитросплетения, неподвластные мальчишечьему пониманию. Так грациозно, как делала это Людка Лашина из треугольников, не мог повторить никто. Ее тоненькие ножки мелькали, как пропеллер. Даже взрослые останавливались посмотреть на ее балетные па над резинкой.

Пацаны играли в маялку – носок, набитый кукурузными зернами. Его подбивали внутренней стороной стопы. Кто больше раз подбьет, тот и выиграл. Тут равных не было нашему базарнику Толяну Дунскому. Соревноваться с ним – только понапрасну время тратить. Он играл с двух ног. Уставала правая – перебрасывал на левую, и наоборот.

В пуговицы играли только пацаны. На кон – ямку в центре круга – каждый игрок ставил по одной пуговице. Тяжелой битой метров с пяти старались попасть в ямку. Тот, чья бита легла ближе к кону, забирал все пуговки.

К игре в стенку допускались только те, у кого в карманах водились медяки. Их и ставили на кон в полутора-двух метрах от стены. Все той же битой ударяли об стену так, чтобы она подкатилась поближе к кону. В этих играх поднаторел Мишка Кирза. Он первым разбивал монеты, выложенные стопкой решкой вверх. Те монеты, которые переворачивались орлом, переходили в его карман. Правда, если стенку замечали взрослые, ему пришлось выворачивать карманы и раздавать монеты.

Зато мотаться и забивать голы, как наш Витька Пивдень, не мог никто. Забитые им три гола принесли победу базарникам в чемпионате двора 1958 года. Играли на вылет, пять на пять, по полчаса тайм. Радиорепортажи с чемпионата мира вел наш Николай Озеров. Гарька Скрипач с жестяным рупором в руке был судьей и «Николаем Озеровым» одновременно. На дворовой полянке играли не Пивдень, а Пеле, не Дунский, а Диди, не Миля и Боря Фердманы, а Зито и Вава.

Такое доверие и привилегии Гарька Скрипач получил неспроста. Он единственный, у кого во дворе был велик. И не просто

старая лайба, а «Орленок» с мягким кожаным седлом. Очередь пацаны занимали, как только велик выкатывался из квартиры на галерею третьего этажа. Сначала делал треугольный круг хозьяин. За ним катался тот, кто успевал первым помочь Гарику снести велик с третьего этажа.

В эту велосипедную гармонию вносила сумятицу «Ласточка». Так назывался девичий велик, на котором въезжала, нет – влетала, нет – порхала Зойка. Зойка-слойка, Слоева, со Старопортофранковской. На Базарной жила ее бабушка Хайка – хранитель традиций двора. Она знала всё и обо всех. Напоминала при случае, кто гулеванил в Гражданскую с австрийцами и венграми, а кто с французами и поляками. Пробел в два с половиной года эвакуации она восстановила за счет дуэльной перебранки тех, кто оставался в оккупированном городе. Только Хайка определяла очередь просушки белья. Только ей удавалось утихомирить расскандалившихся соседок. И только дети ее раздражали. Чужие дети.

Свесив голову с галереи третьего этажа, она ворчала: «Ой, эти дети – дети коммунистов. Од них нет покоя. Один шум и гам. Эти дети всё из дома вынасывают и ничего не принасывают». Но когда во двор влетала Зойка, лицо Хайки, испещренное рыбацкой сетью морщин, мгновенно разглаживалось.

«Ласточка» влетала во двор, едва касаясь колесами земли. Две косички летели за Зойкиной спиной. На загоревшем до синевы лице ярко горели раскосые зеленые семитские глаза. В нее втюрились все наши вожаки: Витька Пивдень, Игореня Кривой и Мишка Кирза. Они тут же отбирали «Орленок» у любого пацана, кто бы на нем в этот момент ни сидел. Но ни одному из них не удавалось догнать Зойку. Она, хохоча, опережала их и улетала к себе на Старопортофранковскую.

Мирное сосуществование треугольного двора заканчивалось в конце мая, когда созревала шелковица. Во дворе росли три шелковицы, две сливы и абрикос. Шелковица созревала первой. По негласному соглашению, только когда черно-фиолетовые блестящие сережки начинали падать, можно было приступать к сбору урожая. За право первыми залезть на деревья и объявлялась первая летняя шелковичная войнушка.

Днем начала и окончания военных действий всегда было воскресенье. Это было неперенным условием взрослых. Кто еще мог остановить не в меру развоевавшихся бойцов? Они обступали полянку, как болельщики на стадионе, и поддерживали своих.

Пацаны от каждой мазы выстраивались вдоль трех сторон штакетника внутри полянки в полном облачении. На голове зимняя шапка, в правой руке деревянный меч, в левой щит – кастрюльная крышка, за поясом рогатка, в карманах картечь – горошины и кукуруза. У нашего вожака Витьки Пивдня на голове была бескозырка «Черноморский флот» с якорями на ленточках. Вожак треугольников поверх шапки надевал проржавевшую каску. Щепач Мишка Кирза носил танкистский шлем.

Вожак сходились к середине. Договаривались: по голове и по ногам не бить, лежащих не бить, сзади не нападать. Кто упал – убит. Кто заступил за штакетник – убит. Первыми на шелковицу лезут победители.

Войнушка началась по всем правилам – с перестрелки. Стреляли картечью. В рогатку вкладывалось по несколько пульек. Промазать было невозможно. Попал в щит – звон, попал в ногу – писк. Если не успевал прикрыться щитом, было довольно больно, и оставались синячки. Зато после боя вдосталь корма доставалось голубям.

Войнушка в самом разгаре. Жестяные щиты дребезжат и гудят под ударами деревяшек. Базарники дожимают за штакетник остатки противника. Ловкий удар нашего Пивдня – и меч вылетает из рук Мишки Кирзы прямо в лоб нашей же Линке Мурманской. Упасть не успела. Подхватили стоявшие рядом взрослые. Длинная царапина проявилась красной кровавой полоской. Линка испуганно заморгала, побледнела и протяжно заорала: «Маа-маа!». По Витькиной команде наша маза весь урожай шелковицы передала Линке.

В июле была абрикосовая войнушка, в августе – сливовая.

В сентябре на груди у второклассников появились октябрятские звездочки.

У всех, кроме Витьки Пивдня. Линка наябедничала.

Через полтора года, когда в апреле всех скопом принимали в пионеры, Витька заболел. Специально для него проводить

сборы не стали. Пионервожатая на большой перемене показала Витьке, как правильно завязать узел галстука. Не успевал Витька выйти из школы, как запихивал галстук в карман, называя его слюнявчиком.

В девятом классе всех отличников и хорошистов принимали в комсомол. Линку Мурманскую по предложению пионервожатой избрали комсоргом. Через год, в ноябре, всем остальным «под метелку» прикрепили комсомольские значки. Как Линка ни уговаривала Пивдня, он отказался.

– Недостойн я, – рефреном повторял Витька. – Во-первых, троечник, а во-вторых, мой дедушка до войны был врагом народа, во время войны предателем – побывал в плену, после войны вновь врачом-вредителем.

Службу в армии Пивдень проходил исправно. Предложили подать заявление о вступлении в компартию. Тут лишь обнаружилось, что у него нет комсомольского билета.

– Почему ты платил членские взносы? – изумился комсорг.

– Чтобы в душу не лезли.

После дембеля и до самой пенсии работал докером в порту. Когда силенок поубавилось, дорос до стивидора, хотя эту должность ему двадцать лет тому назад предлагали. Два сына, Олесь и Ярослав, тоже механизаторами в порту.

Не стал удерживать, когда сыновья в тот же день, как Россия пошла войной на Украину, решили идти воевать. Герой Украины Ярослав Пивдень погиб, защищая Мелитополь. Олесь воюет под Херсоном.

